

КАШИНА Марина Александровна — к.филос.н., доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт В.О., 57/43; Kashina_soc@inbox.ru)

О НАУЧНОМ ПОДХОДЕ В ДИСКУССИИ О ЗНАЧЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ГЕНДЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Вопрос о значении для России решения проблемы гендерного неравенства является дискуссионным. Это связано с тем, что в стране есть социальные группы, которые считают, что использование опыта европейских стран по проведению политики гендерного равенства приведет к разрушению традиционных ценностей и культурного кода страны. Данная точка зрения отражена в статье «Гендерные стратегии “мягкой силы” НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России». Не все согласны с выводами, к которым приходят ее авторы. В данной статье обсуждается степень научной обоснованности подобных суждений, а также слабые места в аргументации авторов.*

Ключевые слова: *гендерное законодательство, гендерные исследования, гендерное неравенство, методология научного исследования, социальный прогноз*

Причиной, побудившей автора включиться в дискуссию о значении гендерных исследований для нашей страны, стала публикация в первом номере журнала «Власть» за 2016 г. статьи «Гендерные стратегии “мягкой силы” НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России» [Устинкин, Рудакова, Эминов 2016]. Ряд ее положений представляются крайне дискуссионными, требующими дальнейшего научного обсуждения.

Авторы статьи считают, что лоббирование гендерных законов «угрожает основам социальной и демографической безопасности государства, они способны подорвать культурный код российского общества и государства» [Устинкин, Рудакова, Эминов 2016: 5]. Анализируя деятельность НПО, занимающихся проведением гендерных исследований, они пишут, что она направлена на создание «позитивного настроения для принятия в России пакета гендерных законов», что приведет к неоднозначным последствиям.

В тексте авторы никак не касаются работ, обобщающих более чем 20-летний опыт российских гендерных исследований [Клецина 2013]. Очевидно, в цели их исследования анализ состояния и динамики гендерных отношений в России не входит. Нет также систематического анализа гендерных законопроектов. Эмпирическая база исследования и использованные при его проведении научные методы также вызывают ряд вопросов. Например, в рассматриваемой статье эмпирика представлена тремя таблицами, в двух из которых приводится статистика с информационного портала Минюста России об источниках финансирования и структуре направлений деятельности НПО, выполняющих функции иностранного агента. В третьей таблице отдельно описываются направления деятельности НПО, занимающихся гендерной проблематикой. Но из 7 указанных в ней организаций ссылки на официальные сайты приводятся только по 3. Информация по общественному региональному движению «Новгородский женский парламент» размещена на официальном сайте Администрации Великого Новгорода, но как тогда оценивать выполнение этой НПО функции иностранного агента?

Поскольку гендерных законов в России нет и, как пишут авторы, «в 2012 году только благодаря отпору общественности не был принят закон “О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации”» [Устинкин, Рудакова, Эминов 2016: 10], то достоверно оценить влияние непринятого закона на социальную действительность не представляется возможным. Однако авторы статьи это делают, что позволяет классифицировать их работу как исследование будущего. Можно было бы назвать ее поисковым прогнозом, выполненным методом сценария, если бы не одно «но». В научном прогнозировании существуют такие понятия, как «период основания прогноза» и «период упреждения прогноза». Первое описывает период в прошлом, изучение которого дает возможность сформулировать уже сложившиеся тенденции, второе – период в будущем, временной горизонт, за который собираются заглянуть ученые. Горизонт прогноза имеет жесткие временные рамки, соответственно, выделяются оперативные, краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и дальнесрочные прогнозы [Леньков 2013].

В тексте «Гендерных стратегий...» отсутствуют какие-либо временные рамки горизонта прогноза и систематизированный анализ данных периода упреждения, под которым следует понимать анализ динамики демографических и социокультурных процессов в России с начала проведения в стране гендерных исследований, т.е. с середины 1990-х. В силу этого отнести данный образ будущего к научным прогнозам не представляется возможным.

Обратимся к конкретным чертам «предвосхищаемого будущего», представленного в статье. Принятие гендерных законов подорвет социальную и демографическую безопасность страны, считают авторы статьи. Произойдет подмена полоролевых установок общества, которая приведет к отмиранию института семьи. Гендерные законы легализуют гомосексуальность, однополые браки, суррогатное материнство, изъятие детей из семей по решению суда (ювенальная юстиция) и т.п., а это приведет к расцвету педофилии и возвращению гомосексуального поколения [Устинкин, Рудакова, Эминов 2016: 14]. Произойдет рост конфликтов на этноконфессиональной почве из-за необходимости изменения традиционных семейных ролей и отстранения церкви от участия в проведении социальной политики.

Начнем с роста конфликтов на этноконфессиональной почве. Авторы пишут, что в силу жесткой секулярной политики церковь в Европе «фактически загнана в угол по вопросам демографической и семейной политики». Если мы пользуемся методом прогноза по аналогии, т.е. строим наше будущее по аналогии с европейским, хотя этот тезис тоже требует обоснования, то речь должна идти не об этноконфессиональных конфликтах, а о взаимодействии церкви и государства в вопросах семьи и социальной политики. Необходимо помнить, что Россия – многоконфессиональная страна, и закон о свободе совести никто не отменял. В силу этого люди вольны сами выбирать свою веру и исповедовать ее, соответственно, могут они выбирать и подходящую им форму семейных отношений. С нашей точки зрения, вмешательство церковных институтов в государственную деятельность – это подрыв принципа светского государства.

К чему на практике приводит участие представителей религиозных организаций в разработке документов государственного стратегического планирования, наглядно демонстрирует принятая в августе 2014 г. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Руководитель сектора социологии семьи Института социологии РАН д.соц.н. Т.А. Гурко пишет: «Концепция слабо привязана к конкретному историческому этапу развития страны и реальной жизни людей в XXI веке... призывает вернуться

к традиционным семейным ценностям» аграрного общества [Гурко 2013: 35]. «В 1990-е гг. произошли сексуальная, контрацептивная и феминистская революции в России, и с этим нужно считаться как с объективной закономерностью, которую вряд ли удастся переломить очередной консервативной концепцией» [Гурко 2013: 50]. Другими словами, если государственная политика в семейной сфере не учитывает современные социальные процессы, то неизбежно встанет вопрос о ее качестве и эффективности.

Сводить репродуктивные технологии, ювенальную юстицию, суррогатное материнство, детское сексуальное образование и др. к факту наличия «гендерного закона», на наш взгляд, необоснованно. И вообще, прежде чем анализировать последствия, необходимо разобраться в причинах. В частности, в том, что представляет собой этот пресловутый «гендерный закон».

Его полное название «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» дословно воспроизводит формулировку п. 3 ст. 19 Конституции РФ. Главная цель законопроекта – «обеспечение государственных гарантий равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин, предотвращение дискриминации по мотивам пола в качестве необходимого условия стабильного и устойчивого развития страны». Статья 3 законопроекта гласит: «Государственная политика по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин должна включать следующие основные направления:

- формирование правовой базы обеспечения равноправия полов, совершенствование и развитие законодательства в этой сфере;
- проведение гендерной экспертизы нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти;
- принятие и реализация специальных программ, целью которых является устранение дискриминации по мотивам пола;
- включение в общегосударственные программы, направленные на реализацию конституционных прав и свобод граждан, а также в программы по развитию социальной сферы мер, обеспечивающих равноправие полов;
- воспитание и пропаганда культуры равноправия мужчин и женщин;
- защита общества от информации, направленной на дискриминацию граждан по мотивам пола, а также насаждающей насилие, жестокость, порнографию, наркоманию, алкоголизм и т.п.;
- выполнение общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных обязательств Российской Федерации»¹.

Другими словами, ни о какой поддержке педофилии и легализации гомосексуализма речь в данном документе не идет. Главная задача – ликвидация дискриминации по признаку пола во всех областях общественной жизни.

Впервые этот законопроект был внесен на рассмотрение нижней палаты парламента 17.01.2003 депутатами В. Володиным, Е. Лаховой, О. Морозовым и Г. Райковым (№ 284965-3). 16.04.2003 он был принят в первом чтении. Эксперты ООН в 2009 г. в своем докладе «Об исполнении в России Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» отметили, что развитие гендерного равенства не является приоритетной государственной задачей [Беловский, Никольская 2011]. В феврале 2011 г. на встрече с верховным комиссаром ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй глава Минздравсоцразвития России Т. Голикова, которая по должности возглавляла Межведомственную комиссию по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин, признала, что

¹ Проект Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Доступ: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=15344;frame=150> (проверено 23.03.2016).

«у нас нет пока единого механизма устранения дискриминации полов» и нужно «создать национальный механизм, который позволит решить проблемы отношения к женщине в семье — вопросы бытового насилия и сексуального домогательства».

Доработанный по итогам первого чтения законопроект должен был рассматриваться 27.01.2012, но под давлением в первую очередь религиозных (православных) общественных организаций был отправлен на дополнительное обсуждение. Второе чтение Государственная дума отложила на неопределенный срок. Главным аргументом служило то, что основные положения данного законопроекта противоречат традиционным ценностям россиян.

Выше уже отмечалось, что подобный подход к рассмотрению гендерных проблем является весьма односторонним и не отвечает принципам объективности и научной обоснованности.

Методология научного исследования требует в первую очередь определиться с используемыми понятиями, такими как «гендер», «гендерная проблематика», «гендерные стратегии “мягкой силы”», «культурный код общества» и др. Дело в том, что в отечественной научной литературе понимание гендера до сих пор является предметом оживленных дискуссий [Кашина 2011б]. Фраза авторов о подмене тематики традиционных гендерных исследований, которая «с изучения роли и прав мужчин и женщин в обществе резко переместилась к исследованию человеческой сексуальности, прав нетрадиционных меньшинств и т.д.» [Устинкин, Рудакова, Эминов 2016: 13], потому что появился «социальный пол», «гендерная идентичность», не выдерживает критики, т.к. теряется сам предмет гендерных исследований.

Не лучше дело обстоит и с понятием «гендерные стратегии». Если речь идет о Гендерной стратегии Российской Федерации, то этот документ разрабатывался группой ученых еще в начале нулевых годов под эгидой Министерства труда и социального развития РФ. Стратегия была принята в рекомендательном ключе, но официально не утверждена. С ее текстом можно ознакомиться в Интернете¹. Если авторы имеют в виду какие-то другие стратегии, то необходимо пояснить, какие именно и как могут их использовать отдельно взятые НПО.

Остается неясным и то, какой, по мнению авторов, закон следует считать гендерным и почему, а также что входит в пакет гендерных законов. Эта методологическая небрежность и вольность обращения с материалом выступает общей чертой всей статьи «Гендерные стратегии...».

Не отрицая того, что в гендерных исследованиях гендерная идентичность понимается как социально сконструированная и потому не имеющая жесткой связи с биологическим полом [Тартаковская 2012], хочется задать вопрос, почему авторы сводят все многообразие антидискриминационного гендерного законодательства только к легализации сексуальных меньшинств? Это верхушка айсберга, не особо актуальная для большинства населения России. Гораздо более насущными являются проблемы домашнего насилия в отношении женщин, дискриминации в сфере занятости, когда женщины не могут получить высокооплачиваемую работу или полагающиеся им по закону выплаты при рождении детей, когда происходит незаконное увольнение беременных или закрываются детские сады. Обо всем этом авторы статьи не упоминают, как и о международном документе, лежащем в основе разработки европейского и любого национального гендерного законодательства, — Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискри-

¹ Гендерная стратегия Российской Федерации. 2002. Доступ: <http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm> (проверено 23.03.2016).

минации в отношении женщин¹, которую наша страна не только подписала, но и ратифицировала.

Результаты исследований гендерных проблем, которые ведутся в нашей стране с середины 1990-х, убедительно свидетельствуют о сохранении в России вертикальной и горизонтальной гендерной сегрегации рынка труда, обуславливающей неравенство в доходах мужчин и женщин как больших социальных групп; о существовании социально-психологических барьеров на пути самореализации женщин в профессиональной деятельности и самореализации мужчин в сфере семейных отношений; о том, что в средствах массовой информации и рекламе презентуются гендерно неравноправные отношения, и т.д. [Айвазова 2011; Балабанова 2006; Мальцева, Рошин 2007; Осипова 2010; Шакирова 2011].

Гендерные проблемы актуальны не только с научной точки зрения, их решение имеет большое практическое значение для жизни всех российских граждан. Вне зависимости от того, приняты национальные гендерные законы или нет, Россия должна выполнять собственную Конституцию, а также свои международные обязательства. Альтернатива – отказ от международных обязательств и признание того, что проблема существования неравенства женщин и мужчин не входит в актуальную повестку дня российского государства.

Представляется, что многие спорные моменты статьи «Гендерные стратегии...» вызваны таким явлением, как гендерная некомпетентность. Автор социально-психологической концепции гендерной компетентности И. Клецина отмечает: «Гендерную компетентность можно определить как характеристику, которая позволяет личности строить отношения на основе принципа гендерного равенства. В гендерном равенстве находят отражение следующие идеи: 1) не существует убедительных обоснований имеющейся гендерной поляризации и дифференциации мужских и женских личностных качеств и социальных ролей; нет оснований для противопоставления мужчин и женщин по качествам личности и социальным ролям; 2) отсутствуют обоснования иерархически выстроенных статусных позиций мужчин и женщин (как правило, мужчины доминируют над женщинами в общественной сфере, занимая более высокие статусные позиции); 3) биологические особенности каждого пола не могут служить оправданием женского или мужского неравенства в социальной жизни. Гендерно компетентным можно считать такого человека, который ориентирован на эгалитарные гендерные нормы, представления и установки, у которого не выражены гендерные стереотипы и предубеждения, а в поведении он реализует не доминантно-зависимую, а партнерскую модель отношений» [Клецина 2015: 191-192]. Гендерной компетентностью должны обладать не только ученые, занимающиеся исследованием гендерной проблематики, но и политики, государственные служащие, журналисты, рядовые граждане.

И, отвечая на вопрос, влияют ли результаты гендерных исследований на изменение культурного кода общества, следует ответить: «Да, конечно, влияют, как и результаты любых научных исследований общественной жизни». Не зря появилось понятие «публичная социология». Вопрос в оценке знака этого влияния [Кашина 2011а]. Это, в свою очередь, требует ответа на другой вопрос: в каком обществе хотят жить российские граждане? Там, где существует доминирование одной группы людей над другой и несправедливое распределение основных ресурсов и возможностей, или в обществе, где личность независима от пола будет иметь возможности для всесторонней личностной самореализации, не ограниченной традиционными гендерными представлениями и стереотипами?

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (проверено 23.03.2016).

Появление статьи «Гендерные стратегии “мягкой силы”» свидетельствует о том, что сегодня гендерная проблематика оказалась в центре не только научных, но и политических дискуссий. Однако тезис о ее ангажированности Западом и угрозе национальной безопасности России требует гораздо более фундаментальных научных обоснований.

Список литературы

Айвазова С.Г. 2011. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России). – *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 13-22.

Балабанова Е.С. 2006. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия. – *Социс. Социологические исследования*. № 4. С. 47-57.

Беловский И., Никольская П. 2011. Уравнение с гендером. – *Gazeta.ru Электронная газета*. Доступ: <http://www.gazeta.ru/social/2011/02/16/3528274.shtml>. (проверено 23.03.2016).

Гурко Т.А. 2013. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка. – *Социологическая наука и социальная практика*. № 3. С. 33-52.

Кашина М.А. 2011а. Гендерно ориентированная социальная политика как проект публичной гендерной социологии. – *Личность, культура, общество*. Т. XIII. Вып. 2(63-64). С. 235-241.

Кашина М.А. 2011б. О политических следствиях амбивалентности в определении предмета и методологии гендерных исследований. – *Власть*. № 4. С. 101-104.

Клецина И.С. 2013. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания. – *Женщина в российском обществе*. № 2(67). С. 3-13.

Клецина И.С. 2015. Гендерная компетентность педагогов как индикатор для оценки гендерного равенства в сфере образования. – *Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса: сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции*. 14–15 апреля 2015. Москва. МГПУ; СПб: НИЦ АРТ. С. 189-193.

Леньков Р.В. 2013. *Социальное прогнозирование и проектирование*. М.: ЦСПиМ. 192 с.

Мальцева И.О., Рошин С.Ю. 2007. *Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда*. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 296 с.

Осипова Д. В. 2010. Неформальные практики воспроизводства гендерной стратификации (на примере телевизионной рекламы). – *Власть*. № 11. С. 16-18.

Тартаковская И. 2012. Биологические факты и политические интерпретации: «разделились беспощадно мы на женщин и мужчин...». – *Гендер для «чайников»*. М.: Звенья. С. 12-26.

Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Эминов Д.С. 2016. Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного года общества и государства в России. – *Власть*. № 1. С. 5-15.

Шакирова Г.Ф. 2011. *Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества: автореф. дис. ... к.псих.н.* Казань. 19 с.

KASHINA Marina Aleksandrovna, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work, North-Western Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (57/43 Sredniy Ave, V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; Kashina_soc@inbox.ru.)

SCIENTIFIC APPROACH IN THE DISCUSSION ABOUT THE IMPORTANCE OF THE GENDER STUDIES AND THE GENDER LEGISLATION FOR RUSSIA

Abstract. *The question of importance of solving the problem of the gender inequality for Russia is controversial in the national science today. There are social groups in the country, who believe that the usage of the experience of European countries in the implementation of the gender equality policy will lead to the destruction of traditional values and cultural code of the country. This point of view is reflected in the article «Gender soft power strategy of NGO as a tool of reformatting the cultural code of society and state in Russia». The paper discusses the degree of scientific validity of such conclusions. The author shows flaw in the arguments of the opponents and points out the need of the gender legislation. Adoption of the gender equality law is the duty of the state, which have signed the Convention on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW).*

Keywords: *gender legislation, gender inequality, gender studies, methodology of scientific research, social forecast*